

Российская Минерва

В цветах другой нет розы в мире:
Такой царицы мир не зрит!
Любовь и власть в ее порфире
Благоухает и страшит.

Гавриил Державин
На рождение царицы Гремиславы

Праматерь князей русских

«...Блажен еси и преблажен Богом препрославленный граде Пскове, яко всеильный Бог от страны твоея произведе и породи нам таковой чудный плод благоцветущий, блаженную Ольгу.

Блажении есмы и мы, сподобившиися от Бога получитьи таковой благоплодный царственный зрелый сад, благочестием умноженный, и премудрый и пресладкий добродетельми и добролиственный благоуправлением, имже мы еси, яко благосенно листовым древом покрываемы, от всякого вреда вражия избавляемся душевне и телесне, от него же пресладкого вкуса богоразумия насыщаемы веселимся...»

Таковыми словами завершается вступление к пространному поэтическому и нравоучительному повествованию о жизни и подвигах древнерусской княгини Ольги, созданному в XVI веке. И надо сказать, героиня повести его заслужила.

Жена «Игоря Старого», как именует его «Слово о законе и благодати», мать Святослава Игоревича, ставшего в определенной мере фигурой легендарной, бабка «равноапостольного» Владимира Святого, окончательно утвердившего на Руси христианство и церковь, княгиня Ольга по праву занимает совершенно исключительное место в русской истории. В сонме русских святых она вошла значительно раньше, чем был канонизирован ее внук, освятив тем самым и свое языческое имя.

Но если заслуга Ольги в истории церковной не вызывает сомнений, то столь же величественной предстает ее фигура на фоне политической истории России: до XVIII века она остается единственной самодержавной правительницей — прекрасным администратором и талантливым дипломатом.

И все же очень многое в ее истории для нас остается неясным.

Больше всего подробностей о жизни и деятельности княгини можно обнаружить в уже цитированной «Книге Степенной», в «Житии святой блаженной равноапостольной, пре-

мудростию славной, великой княгини Ольги, нареченной по святому крещении Елены, первой обратившейся от рускаго рода своим благочестием к Богу, и о мужественном и о подвиге, и как в Царствующем граде получила святое крещение, и о смерти ее, и о перенесении многочисленных и нетленных мощей ее, и отчасти похвала».

Обширное сочинение, составленное с привлечением всех доступных источников, в первую очередь «Повести временных лет», затем церковного предания и — по-видимому — местных псковских легенд, тогда же, в первой половине XVI века стало своеобразным «введением» в «Книгу Степенную царского родословия...». Она была составлена во времена Ивана IV. В ней излагалась история русских князей, обработанная с позиций церкви. Авторы и редакторы «Книги Степенной...» сделали княгиню (в полном соответствии с заголовком одного из самых древних списков ее жития) не только «праматерью всех князей русских», но, по сути дела, основоположницей русского государства и русской церкви.

Можно сказать, что именно в «Книге Степенной» образ княгини обрел законченность, получил православный облик, а сам текст в сознании последующих историков в значительной мере потеснил свой летописный источник. Вот почему и нам с этого жития стоит начать свой путь в X век.

В нем мы находим, с одной стороны, законченный литературный портрет княгини, а с другой — наиболее отчетливо выраженную церковно-государственную тенденцию, переносящую главенство в первой русской династии с Рюрика на Игоря и Ольгу. Не потому ли, что Рюрик, пусть даже состоявший в родстве с «Августом кесарем» (как утверждали историографы Ивана IV), тем не менее оставался человеком неизвестным? К тому же он был, скорее всего, язычником, а Ольгу принял византийский император и нарек своей «дщерью»; ее крестил константинопольский патриарх.

Более того. Достоверность существования Ольги и ее поездка в Царьград подтверждалась не только летописью, но и свидетельством новгородского архиепископа Ан-

тония (в миру Добрыни Ядрейковича), видевшего в 1200 году в ризнице св. Софии в Константинополе драгоценное блюдо, полученное патриархом от Ольги.

Между тем происхождение самой Ольги и тогда, когда автор жития представил ее современницей императора Льва IV Мудрого (881—912) и его брата Александра (912—913), и теперь, когда нам известно значительно больше, остается неясным. «Повесть временных лет» утверждает, что Игорю ее привел «в лето 6411» (т. е. в 903 г.) «из града Плескова» Олег, воспитатель князя, по одной из версий — близкий родственник Рюрика. «Книга Степенная» уточняет и дополняет эти слова, конкретизируя происхождение Ольги от «Плесковской страны», от «веси Выбутской», от языка варяжска; от рода же не княжеска ни вельможска, но от простых людей». Указание это вполне согласуется с тем фактом, что как в собственно псковских летописях, так и в новгородских мы находим устойчивое написание имени Пскова в виде «Плескова» вплоть до середины XIV века. Картина встречи Игоря с Ольгой в «Житии» описана в самых романтических тонах и представляет собой одну из самых ярких страниц в истории русской художественной литературы.

Молодой князь тешился охотой «в области Пековской», хотел перебраться через реку, увидел «некоего плывущего» в лодке, подозвал его и, только отъехав от берега, обнаружил, что его везет девушка поразительной красоты. Воспламенившись желанием, князь стал думать, как ему овладеть ею, но перевозчица оказалась не только красива, но целомудренна и умна. Проникновенными, глубоко запавшими в сердце князя речами, она сумела погасить его похоть, напомнить о княжеском достоинстве и задуматься о своем предназначении как главы государства (как видно, Ольга хорошо знала, кого везет). Игорь расстался с нею, унося в памяти ее слова и прекрасный образ. Когда же ему пришло время выбрать невесту, он вспомнил «дивную в девицах» Ольгу, послал за ней «сродника своего князя Олега», женился и сделал незнатную псковитянку великой русской княгиней. Как показывает история, выбор оказался в высшей степени удачным.

Авторы «Жития» интересовались Игорем меньше, чем автор «Повести временных лет». В «Житии» Ольги Игорь проходит как бы тенью, возникая лишь в завязке очередного сюжета. Столь же мало внимания уделено и семейной жизни княгини. Читатель узнает только, что после женитьбы Игорь отправился на греков, а по возвращении из похода у него родился Святослав. Вскоре Игорь был убит древлянами, но как далеко это событие отстояло от предыдущего — неизвестно. Точно так

же авторы «Жития» умалчивают и о причине Игоревой смерти, подчеркивая лишь «зломышление» на Игоря древлянского князя Мала, желавшего получить по смерти князя его вдову.

Здесь нам поневоле приходится обратиться к «Повести...», которой в общем-то довольно точно следует «Житие», лишь перерабатывая ее в плане нравоучительном, заменяя жесткий лаконизм реплик и кратких диалогов пространными речами в духе средневекового сентиментализма. И хотя плач Ольги по убитому мужу своей образной силой вполне соответствует сцене знакомства Игоря с Ольгой, нам, интересующимся фактической канвой событий, лучше напомнить о них читателям по летописи.

Гибель Игоря произошла отнюдь не в результате козней древлянского князя, а из-за ненасытной жадности самого Игоря. Вернувшись после заключения мира с греками Игорь вздумал собрать вторую дань с древлян, которых уже обобрал его воевода Свенельд. Но и этого ему показалось мало. Отправив добычу в Киев, Игорь решил «походить еще». Древляне предупреждали его, что это добром не кончится, но он не послушал их и был убит.

Как и в «Житии», в «Повести...» этот сюжет был лишь увертюрой к яркой и впечатляющей картине мести Ольги за мужа. Сначала месть молодой вдовы обрушилась на два посольства древлян, сватавших ее за своего князя Мала. Первое было заживо погребено «на дворе тюремном», второе — сожжено в бане, после чего пять тысяч «лучших мужей» древлянских было ею избито на тризне по Игорю у стен древлянской столицы Искоростеня. На следующий год, выступив вместе с сыном, Ольга уничтожила древлянское войско, сожгла с помощью птиц город, привязав к их ногам горящую паклю, и оставшиеся в живых древляне были пленены и проданы в рабство.

Увенчав свое вступление на престол жестокой победой, Ольга, по свидетельству «Жития», обратилась к делам государственным. Первой ее заботой стала завоеванная древлянская земля, куда ею была назначена новая администрация. Затем Ольга прошла по всей Русской земле вплоть до Новгорода и Пскова, устанавливая везде погосты (административные центры), учреждая дани и оброки. Почему-то особенно запомнилась она на реке Мсте, хотя, возможно, первоначально в тексте стояло не название реки, а выражение «по мсте», то есть «по совершении мести».

Вскоре после того, как Ольга вернулась в Киев, наступил ее «звездный час».

Согласно «Житию», Ольга давно склонялась к христианству, «возненавидев идолов и гнушаясь их». Однако, как утверждает автор, «тогда в стране Русской не было благо-

честивого учителя» — священника, способного наставить княгиню в новой вере. Последнее не соответствует действительности. Христиане уже были на Руси, они занимали видное положение при дворе Игоря и даже имели свою соборную церковь святого Ильи, куда, как мы знаем из договора Игоря с греками, ходила присягать «христианская Русь».

Поездка в Константинополь и обстоятельства крещения Ольги похожи одновременно на авантюрный роман и на сентиментально-дидактическую повесть. Отправившись в путешествие, «дабы своими очами увидеть красоту службы христианской», Ольга была встречена византийским императором Иоанном Цимисхием. Он был ослеплен ее красотой, умом, восхищен ее решением креститься, и тут же стал домогаться ее руки и сердца. Чтобы обезопасить себя от притязаний императора, Ольга потребовала, чтобы именно он был ее восприемником при крещении: по церковным канонам это полностью исключало возможность матримониальных поползновений последнего.

На Русь великая княгиня вернулась христианкой, со священником, богослужебными книгами и иконами, а также с чудотворным крестом, подобным тому, который принесла из Иерусалима в Константинополь Елена, мать Константина Великого. Ольга вернулась проповедницей новой веры, однако в собственном семействе ее ожидала неудача. Ее сын Святослав, уже достаточно взрослый, чтобы ходить в набеги, категорически отказался принять крещение, ссылаясь, как сказали бы мы сейчас, на общественное мнение — в первую очередь на мнение его дружинников, которые оставались язычниками.

Стоит заметить, что, начиная с победы Ольги над древлянами, автор «Жития» великой княгини следует схеме летописного рассказа, за небольшими исключениями не вводя в него новых эпизодов, но «распространяя» уже имеющиеся — превращая брошенную вскользь реплику в пространный монолог, полный цветистого красноречия и нравоучительных сентенций. То же нежелание Святослава креститься, изложенное в «Повести...», как всегда, лаконично и точно («смеяться станет надо мной дружина!», здесь приобрело характер столкновения двух мировоззрений, между которыми лежит пропасть, вырытая «врагом и человеконенавистником» дьяволом.

Знаменательно, что известная летописная характеристика Святослава, рисующая образ идеального воина, непрехотливого в быту,

всю жизнь проводящего в походах и набегах, здесь превращается в краткое и энергичное о нем суждение: «Сын же ее великий князь Святослав, яко зверь был обычаем... не смыслит, не разумел, во тьме ходя и не желая видеть славы Господа». Или еще короче: «Зверским нравом живый».

Изображенный таким образом характер Святослава позволил автору «Жития» по контрасту создать идеальный образ его матери — женщины-правительницы, заронившей семена христианской проповеди в сердце своего любимого внука Владимира, который в конце концов завершил на Руси начатое ею дело.

После Константинополя она посетила родные места, на слиянии рек Псковы и Великой водрузила крест (по-видимому, следуя примеру апостола Андрея, который, согласно летописной легенде, водрузил крест на горах Киевских) в ознаменование будущего града Пскова.

Не ограничившись этим, она по возвращении в Киев послала — как если бы город был уже заложен! — «много злата на Плескову реку», предназначенного для строительства церкви Святой Живоначальной Троицы — храма, ставшего для псковичей таким же символом своего города и республики, каким для новгородцев была София. Конечно, водружение креста и строительство храма — лишь проявление местного псковского патриотизма, утверждавшего таким образом первенство псковской святыни не только перед новгородским и киевским Софийским соборами, но даже перед Десятинной церковью Киева, основанной Владимиром Святим...

Ольга скончалась 11 июля 969 года, завещав похоронить ее по христианскому обряду, не насыпая над могилой холма и не творя языческой тризны, но послав патриарху в Константинополь «злато» на поминание души. Так и было сделано. Примерно четверть века спустя или несколько позже внук Ольги, Владимир Святославович, завершив «крещение Руси», торжественно перенес останки своей бабки в только что построенную Десятинную церковь. По словам автора «Жития», мощи «равноапостольской» княгини лежали в специальном склепе с окошечком, которое — как сообщает туманное предание — открывалось лишь для искренне верующих. Мощи исчезли, по-видимому, во время монгольского нашествия.